

Шрам Ореола. Никто не знал, как он появился, кладбище быстро состарившихся звёзд и зона адских гравитационных штормов, которые искривили местное пространство-время на несколько порядков. Навигаторы, которые приближались слишком близко к Шраму с открытым третьим глазом, мгновенно умирали, их сердца останавливались между ударами. Астропаты, пойманные в нунцио трансе, сходили с ума, они кричали и царапали черепа, словно желая вырвать невообразимые ужасы.

Даже те, кто смотрел смертными глазами, начинали видеть странные вещи в измученных глубинах Шрама. Способные в мгновение ока превратить целые планеты в песчинку размером с молекулу гравитационные силы искажали и искривляли распространение света и времени с бездумным и случайным пренебрежением к причинно-следственным связям.

Приближаясь к ране на границе Империи, корабль должен был отключить всё, что выходило за пределы восприятия смертных органов чувств, но опасность всё равно сохранялась. “Сперанца” остановилась в трёх астрономических единицах от аномалии, и Сайиксеку пришлось увеличить мощность двигателя, чтобы рыскающие щупальца гравитации не затянули их в объятия Шрама.

Безумная пена релятивистки сталкивающегося света и времени нарисовала мрачную картину на дальней стене мостика “Сперанцы”. Казалось, что раскинувшееся вдоль командной палубы энтоптическое изображение безбрежных и невероятно бурных пучин Шрама Ореола издевалось над собравшимися магосами, словно предлагая им попытаться объяснить происходящее или рискнуть проложить курс. На границах Шрама кружились гиперплотные потоки газов, способные пронзить линейный корабль, как горячий провод тонкий пластик. Клубившиеся облака искривлённого света напоминали щупальца какого-то глубоководного головоногого моллюска, охотящегося за добычей.

Цвета бурлили и ежесекундно и непредсказуемо изменяли электромагнитные волны, вихри искажённой гравитации выбрасывали изображения умирающих звёзд и каскадные потоки частиц рождения тех же самых звёзд. Свет от одной и той же звезды регистрировался снова и снова. Похоже, что мучительно искривлённый невообразимыми гравитационными силами свет прокатывался сквозь пространство-время несколькими волнами. Цифровые галлюцинации астрономического безумия вспыхивали, пропадая и появляясь, пока протестующие проецирующие машины из всех сил пытались воспроизвести невероятную область пространства перед ними.

— Что это? — спросил Котов, когда очередное призрачное изображение замерцало на обзорном экране.

Магос Блейлок мгновенно синхронизировал своё зрение с той точкой, куда смотрел Котов, но изображение уже исчезло.

— Что вы видели, архимагос? — спросил он.

— Космический корабль. Я видел космический корабль. В Шраме.

— Невозможно, — заявил Азурамаджелли, его каркасное тело передёрнулось от раздражения.
— Наши корабли — единственные суда здесь на миллионы километров.

— Я видел там корабль, — не согласился Котов. — Один из наших. “Кардинал Борас”.

— Эхо будущего, — объяснила Галатея. — Гравитационные силы отбрасывают назад отражения света и пространства-времени, которые ещё только должны достигнуть нас. То, что вы увидели, скорее всего, след флота, который появится, когда мы войдём в Шрам.

Котов ничего не ответил, не до конца неуверенный в том, что видел, но и не желавший распространяться об этом.

Множество дистанционно-управляемых дронов уже направили к внешним границам Шрама Ореола. Некоторые с сервиторами на борту, другие со схваченными скитариями чернорабочими из палубных команд, и выводы, похоже, подтверждали гипотезу Галатеи.

Во всех случаях результат оказался одинаковым: небольшие корабли были раздавлены или разорваны на части считанные секунды спустя после пересечения произвольной линии, которая соответствовала краю аномалии. Биометрические данные экипажа возвращались на “Сперанцу”, но не сообщали ничего, что отличалось бы от изменчивых показаний, обработанных инфомашинами: давления, высокой температуры и света за пределами измерений.

Единственным значимым открытием, за которое заплатили жизнями внедрённых экипажей, стало дикое искажение хронометрии, позволяющее предположить, что внутри Шрама Ореола само время сжималось и растягивалось гравитационными аномалиями.

— Восхитительно, не так ли? — спросила Галатея, покачиваясь то вперёд, то назад на паланкине возле командного трона Котова. — Больше четырёх тысяч лет исследований и сбора данных и всё равно мы знаем только часть его тайн.

— Не слишком обнадеживающее, учитывая, что вы должны провести нас на ту сторону, — ответил Котов, призрак заднего мозга которого находился в ноосферной сети “Сперанцы”, а основное сознание оставалось на командной палубе. Прикосновение Галатеи ощущалось по всему ковчегу, миллионы разветвлявшихся нитей мерцающего света протянулись и разошлись по всем критично важным сетям судна. Ненавязчиво, но достаточно близко к системам жизнеобеспечения, средствам управления двигателем и силой тяжести, чтобы гарантировать, что архимагос не осмелится предпринять враждебные шаги.

— Пересекая лабиринт достаточно знать правильный путь, а не всё вокруг, — сказала Галатея.
— Не бойтесь, архимагос, мы проведём ваш корабль по лабиринту, но это не будет лёгкой прогулкой. Вам следует подготовиться к потерям, прежде чем мы окажемся на той стороне.

Магос Криптаэстрекс посмотрел на неё, большое прямоугольное тело логиста напряглось,

когда он повёл многочисленными серво-руками и манипуляторами. Скорее технопровидец, чем высокопоставленный магос, Криптаэстрекс был жестоким и прямым жрецом, который не боялся испачкать руки во внутренностях корабля.

Как и остальные старшие магосы он пришёл в ужас от сделки с дьяволом, которую Котов заключил с Галатеей. Сильнее чем кто-либо — даже сам Котов — Криптаэстрекс обладал глубокой связью с внутренними механизмами ковчега, и это он проверил ключевые системы и убедил остальных, что у архимагоса не оставалось выбора, кроме как позволить Галатее фактически захватить корабль.

— Невозможно достичь ничего важного без потерь, — произнёс Котов. — Всех тех, чьи жизни принесут в жертву во время поиска знаний, будут помнить.

— Вы правы, — усмехнулась Галатея. — Механикус никогда ничего не удаляют. Если бы вы знали насколько это верно, то поняли бы какими слепцами стали, как поработили себя своими же руками и отсутствием видения. Истина повсюду вокруг вас, но вы не видите её, потому что забыли, как сомневаться.

— О чём вы говорите? — удивился Котов. — Поиск нового знания — главная догма Адептус Механикус.

— Нет, — возразила Галатея, словно разочарованная. — Вы ищите старое знание.

И на долю секунды Котов испытал непреодолимое желание, чтобы на мостике оказалось отделение кадианцев, воинов без аугметики и оружия, которое можно отключить, перегрузить или перенаправить на дружественные цели. Всего лишь несколько ветеранов-кадианцев со сверкающими клинками “Палачами”...

Конечно, магос Дахан и реклюзиарх Кул Гилад предложили вооружённым путём вырвать “Сперанцу” из рук Галатеи, но Котов быстро отверг идею, зная, что, скорее всего, она слышала их обсуждение. Ни одно место на судне не могло считаться безопасным, а так близко к Шраму Ореола выйти за пределы корабля в вакуум стало бы самоубийством. При малейшем намёке на угрозу Галатея способна нанести ковчегу непоправимые повреждения или возможно даже уничтожить его. Учитывая общую текущую цель самым безопасным было согласиться с желаниями Галатеи и отвести духовный взор от еретического техно-факта её существования.

Магос Азурамаджелли трепетал перед машинным сознанием, физическая форма Галатеи столь сильно напоминала его собственную, что они вполне могли быть созданы из одного СШК. Похоже, он меньше остальных магосов испытывал отвращение к идее разумной машины, увеличенной человеческими мозгами. Возможно, потому что это был для него единственный — пусть и опасный — логический ход, попытаться перенестись в механическое тело со встроенной логической машиной и отпечатать в ней свою личностную матрицу.

Сайиксек не обращал на существо внимания, силуэт магоса расплывался в мутном тумане конденсационного пара, пока он искусно тактильно контролировал двигатели. Мало кто

осмеливался настолько приближаться к Шраму Ореола, и он не собирался допустить даже малейшей возможности, что случайный скачок двигателя или выброс реактора зашвырнут корабль в глубины аномалии не по его воле. Именно Сайиксек будет управлять кораблём во время входа, руководствуясь данными, которые Галатея перенаправит Тихонам в зал астронавигации.

— Магос Сайиксек, вы готовы? — спросила Галатея.

— Как никогда, — резко ответил Сайиксек, не желая вступать в лишние разговоры с машинным интеллектом.

— Тогда начинаем, — сказала Галатея.

Котов сжал подлокотники командного трона, вспоминая мимолётное изображение космического корабля, отражённое в зеркале искажённого пространства-времени. Даже сейчас он не был уверен, что именно видел, но в одном он был уверен, и эта уверенность состояла в том, что увиденный им корабль страдал от сильной боли.

Нет, не страдал.

Он умирал.

В сотнях палуб ниже командного мостика Виталий и Линья Тихоны стояли перед точной копией Шрама Ореола. Духи-машины зала нервничали и даже мягкие прикосновения или искренние молитвы Виталия не могли их успокоить. Линья крепко сжимала руку отца, волнуясь и переживая, но пытаясь не показывать чувств.

— Данных недостаточно, — сказала она. — Недостаточно, чтобы проложить курс. Даже гексамат уровня примус не сможет вычислить путь сквозь это. Как только первая гравитационная волна врежется в “Сперанцу”, нас затянет в центр погасшей звезды, раздавит на атомы или разорвёт на части.

Отец посмотрел на неё, его капюшон был откинут назад на бритой голове. Подкожные пластекковые имплантаты лишали лицо старшего Тихона большинства обычных выражений, но отеческой гордости всегда удавалось показать себя.

— Дорогая Линья, — сказал он. — Я не верю, что мы зашли так далеко, чтобы потерпеть неудачу. Верь в волю Омниссии и Его свет направит нас.

— Вам следует прислушиваться к словам отца, — произнёс бестелесный голос, который эхом отразился от стен в громком резонансе.

И данные хлынули в зал астронавигации, переполненный информацией свет навис над ними,

как прибой над отвесным утёсом.

По настоянию Кул Гилада первым кораблём, который вошёл в пределы Шрама Ореола, стал “Адитум”. Храмovníки были крестоносцами Императора и такие как они шли первыми, устремляя клинок корабля в неизвестное. Обычно такая честь предоставлялась флагману архимагоса, но рисковать столь ценным судном, как “Сперанца” сочли слишком опасным и требование реклюзиарха удовлетворили.

Галатея снабдила проложенным ею курсом навигационные системы “Адитума”, направив корабль в Шрам по низкой восходящей извилистой траектории сквозь область искажённого света, излучавшего брызги гравитационных частиц. Архимагос Котов наблюдал за кораблём космических десантников со смесью страха и надежды, отчаянно желая, чтобы безумие Галатеи ограничилось только смертоносными поведением и не затронуло вычислительных навыков.

Пустотные щиты “Адитума” загудели и закрипели, когда корабль оказался во власти разнонаправленных полей энергии, и вдоль бортов пронеслась быстро погасшая цепочка взрывов — генераторы вышли из строя один за другим. Показалось, что корабль Чёрных Храмovníков растягивается, но когда скорости сближения вывели ковчег за меньшее судно, экстраполяция уменьшилась.

Фиолетовые и красные пространственно-временные шквалы окружили скоростной крейсер Чёрных Храмovníков, и он вскоре пропал из вида. За “Адитумом” последовал “Дитя Луны”, его длинный корпус задрожал под ударами неистовых гравитационных волн. Листы брони скручивались и улетали в космос, напоминая крылья, оторванные злобным ребёнком у пойманного насекомого. Как и “Адитум” “Дитя Луны” лишился пустотных щитов в тихой цепочке взрывов.

Следующим стал “Кардинал Борас”, он последовал по той же самой траектории, что и “Дитя Луны”, потому что Галатея высказалась предельно ясно: отклонение от её курса приведёт к катастрофе и отдаст корабль на милость бурного гнева Шрама Ореола. Он также скрылся из вида в разрушительной туманности первородных сил и вскоре исчез среди электромагнитной радиации, ужасающих гравитационных течений и астрономического предательства.

Наступила очередь “Сперанцы” и флотилии вспомогательных судов.

Котов почувствовал, как задрожал ковчег, попав в объёты Шрама. Энтотический обзорный экран заволочло статикой и пеленой бессмысленного скрапкода. Из аугмитов раздался прерывистый двоичный визг и из каждой машины с визуальной связью на командной палубе повалили искры.

Обладавшие ограниченной автономией на случай чрезвычайной ситуации сервиторы мостика отдавали распоряжения кибернетике низкого уровня по восстановлению разорванных связей и перезапуску чувств “Сперанцы”. Криптаэстрекс наблюдал за ремонтом, в то время как Азурамаджелли пытался не отставать от быстро развивающихся вычислений Галатеи.

Гравитационные бури наступали и отступали совершенно беспорядочно, но она завершила магоса астронавигации, что они соответствовали моделям, которые были слишком сложными даже для логических машин “Сперанцы”.

— Знаете, Таркис, — произнёс Котов. — Если бы вы сейчас заговорили со мной о возвращении, то, возможно, я послушал бы вас.

— Сомневаюсь, архимагос. Вы не решитесь вернуться на Марс с пустыми руками, и каким бы ни был риск, вы всегда желаете двигаться вперёд.

— Вы говорите так, словно это что-то плохое. Мы — эксплораторы, двигаться вперёд — значит раздвигать границы знания. Небольшой риск никогда не повредит.

— Соотношение риска/вознаграждения в этом путешествии очень сильно смещено в сторону риска. Следуя логике, мы должны вернуться на Марс, но ваша потребность двигаться вперёд не допустит такого развития событий.

— Лучше зайти слишком далеко, чем недостаточно далеко, — сказал Котов, в то время как очередная разрушительная гравитационная волна врезалась в “Сперанцу”. — Где бы мы были, если всегда действовали бы наверняка? Какую службу бы мы сослужили Омниссии, если не стремились бы достигнуть того, что другие считали невозможным? Дотянуться до далёких звёзд — вот что делает нас сильными. Бороться за то, что требует самопожертвования и риска, — вот что позволило нам занять главенствующее положение в галактической иерархии. Деяния таких людей, как мы сохраняют человечество могучим.

— Тогда будем надеяться, что потомки запомнят нас за достижения, а не за обречённую попытку.

— Аве Деус Механикус, — согласился Котов.

Инфокровоток Блейлока бурлил данными, загрузочные механизмы Котова вздрогнули от жаркого марева информационного света. Воздух дрожал из-за обмена данными между Блейлоком и Галатеей, и архимагос на мгновение восхитился попыткой фабрикатус-локума соответствовать её скорости обработки. Объём информации грозил перегрузить системы Блейлока, и он мог разобрать только десятую часть того, что Галатея передавала навигационным комплексам флота.

— Сдавайтесь, Таркис, — сказал Котов. — Вы сожжёте свой инфоток и данные.

— Ваше предложение разумно, архимагос, — согласился Блейлок, его бинарный код звучал растянуто и отрывисто. — Но ведь столь чистую математическую мощь — поразительно. Я не знал ничего подобного и подозреваю, что никогда не узнаю снова. Поэтому я попытаюсь выучить всё возможное от этого существа, прежде чем нам придётся уничтожить его.

Котов вздрогнул от слов своего заместителя. — Властно: держите подобные чувства при себе.

— Информационно: нейроматрица кибернетического гибридного существа находится под слишком большой нагрузкой астрономических вычислений, чтобы перенаправлять энергию на сенсоры.

— И вы рискуете всем, основываясь на предположении?

— Это — не предположение.

— Мне всё равно, — раздражённо ответил Котов. — В будущем держите такие мысли при себе.

Он посмотрел на Галатею, опасаясь, что Блейлок недооценил её способность распределять мозговые функции и сохранять работу сенсоров, пока большая часть гештальт-машинного сознания занималась навигационными расчётами в реальном времени. Казалось, что Блейлок прав, потому что Галатею обволакивали спиралевидные потоки данных, траектории, штормовые векторы, гравитационные течения и выверенные хроно-показания, которые кружились, наступали и отступали под мощными ударами аномалии.

Как и у кораблей перед ней щиты “Сперанцы” не выдержали, а каналы связи с остальными судами начали отключаться один за другим. Обычные ауспики оказались бесполезны в Шраме Ореола и даже более специализированные системы обнаружения, установленные на широком носу ковчега Механикус, возвращали почти бессмысленные показания. Криптаэстрекс прилагал все усилия для успокоения бесчисленных духов ауспиков и направил хор льстецов к фронтальным секциям, чтобы укрепить гимназии контрфорсов.

Полёт в Шраме оказался слишком тяжёлым для самых разных частей судна и предупреждения поступали отовсюду. Палубы сгибались и перекручивались под ударами непредсказуемых шквалов гравитации и времени, они разрывались и выбрасывали своё содержимое в космос, где его мгновенно сокрушали огромные силы, окружавшие ковчег.

Несколько кузниц оторвались от нижней секции судна, когда киль погнулся и подвергся нагрузкам, превышавшим все запланированные допуски. Многовековые храмы-мануфактуры отделились от корабля и были мгновенно раздавлены, сотни единиц бронетехники, недавно созданной для кадианцев, моментально разлетелись на части. Два перерабатывающих завода — по одному на каждом борту “Сперанцы” — взорвались, широко рассеяв горючий прометий и очищенную фуцелиновую руду в кильватерном следе судна, где они вспыхнули в резких потоках слепящего света, растянутого силой тяжести на миллионы километров.

Котов чувствовал боль корабля, который рвался из стороны в сторону, сражался с мучительными гравитационными ямами и сопротивлялся водоворотам разорванного времени. В те моменты, когда гравитационные ямы пересекались, он разделял боль “Сперанцы”, ощущая, как корпус разрывается и внутренние механизмы оказываются во власти сил, которые ни один нормальный корабельный проектировщик не мог и представить.

“Сперанца” была по всем доступным ей каналам: бинарному, ноосферному, инфосветовому, манифольду, аугментам и воксу. Котов чувствовал её страдания даже в тех местах, о существовании которых он и не подозревал. И её боль стала его болью. Её муки стали его муками. И архимагос вознёс покаянную молитву её могучему сердцу, взывая к ране, полученной на службе Адептус Механикус.

Если они выберутся живыми из Шрама Ореола, то за столь сложное путешествие “Сперанца” заслуживает великого успокоения.

Корабль резко ушёл вниз, словно попал в гравитационное поле планеты, и Котов сжал подлокотники командного трона, чувствуя, как глубоко в пределах корпуса судна рвутся сталь и адамантий. Ещё больше взрывов изверглось из вентилируемых отсеков в окружающий адский шторм и крики “Сперанцы” стали ещё безумнее.

И это, подумал Котов, был центр бури.

Кораблетресение, раздиравшее “Сперанцу”, не менее остро ощущалось на нижних палубах. Аварийные бригады сервиторов металась между инженерными отсеками и залами плазменных двигателей, успокаивая бинарными песнопениями страдающие машины. Только совсем низкоквалифицированные и бесполезные смертные рабочие продолжали заниматься опасным и не требующим особых умений обслуживанием огромных двигателей ковчега Механикус.

На этот раз уважаемый статус Авреема сыграл в его пользу. Вместе с Хоуком, Крушилой и Койном его выбрали провести бурное путешествие по Шраму Ореола выполняя более спокойную работу. Передышка оказалась весьма кстати, но Авреем и сам хотел снова заниматься тем, что считал важным. После спасения из перерабатывающих залов его обязанности стали легче и явно ближе к операциям технической палубы.

Последние несколько смен он с Койном занимался почти тем же самым, что и на Джоуре, управляя кранами и перемещая топливные контейнеры из глубоких ангаров к плазменным отсекам. Это всё ещё оставалось неблагодарной, требовательной и опасной работой, но свидетельствовало о глубоком почтении, которое даже их надсмотрщики испытывали к избранным Богом Машиной.

Вреша заменил Тота Мю-32, и если Вреш не задумываясь, пускал в ход кинетический жезл и равнодушно относился к религиозным обязанностям, то Тота Мю-32 показал себя более духовным членом Культа Механикус. Похоже, он осознавал очень реальные опасности, с которыми сталкивались бригады технической палубы, и понимал всю важность их нелёгкого труда. Вместе с магосом с верхних палуб по имени Павелька и технопровидцем по имени Силквуд Тота Мю-32 прилагал все усилия, чтобы двигатели работали на полную мощность, используя преданность вверенных ему людей. Павелька оказалась типичным Механикус, но Силквуд не боялась испачкать руки во внутренностях машинного люка.

Условия всё ещё оставались тяжёлыми, но улучшались. Тота Мю-32 был требовательным, но Авреем всегда считал, что работа должна быть трудной. Не невозможной, но достаточно

трудной, чтобы чувствовать, что день не прошёл зря. В чём награда и гордость, если работа оказалась лёгкой? Разве такую работу можно считать достойной Бога Машины?

Конечно же, Хоук смеялся над ним, высмеивая идею работы, как религиозного служения.

Для Хоука работа была для других людей, а лучший вид работы — избегать работы.

Как и многие из тех, кого перевели из перерабатывающих залов, Авреем, Койн и Исмаил нашли приют в одном из многочисленных машинных святилищ, разбросанных по всем палубам, пока корабль скрипел и стонал, словно его разрывали на части. Их импровизированное убежище представляло собой длинный узкий закуток между потрескивающей эмфиземной вентиляционной трубой и гудящими магистральными кабелями, каждый из которых был толще, чем грудь взрослого человека. Создавалось впечатление, что стоит хоть где-нибудь в технических помещениях найти свободное место между оборудованием, как там сразу появится святыня Богу Машине и Символ Механикус, собранные из всевозможного мусора или обломков, которые удалось незаметно забрать и использовать для новой цели. В теории такие неканоничные инсталляции были запрещены, но ни один надзиратель или техножрец и не подумает о том, чтобы убрать святыню Омниссии на технической палубе, где слуге Машины за отсутствие веры могла грозить смертельная кара.

Разделённый пополам машинный череп в конце их нефа оказался мозаикой из плазменных флектов, подобранных в перерабатывающих залах. Бывший начальник Авреема и Койна стоял перед ним на коленях, сложив руки, как ребёнок в молитве. Станный отсутствующий взгляд Исмаила свидетельствовал о повреждённом разуме и провалах памяти. Гладкий череп блестел в мерцающих лампочках вентиляционной трубы и электро-факела, который слегка покачивался, когда палуба двигалась из стороны в сторону.

— Плохой удар, — сказал Койн, когда вентиляционная труба закрипела и на сварочном шве, соединявшем две секции, появилась трещина. Раздалось шипение, и во влажном воздухе почувствовалась химическая вонь машинных масел.

— Они все плохие, — ответил Авреем, считывая испуганный шёпот, визг и другие странные звуки бинарного эха с кабелей, которые разносили информацию по всему судну. — Корабль боится.

— Грёбанный корабль, я скоро подштанники обмочу, — произнёс Хоук, откинув брезентовый занавес и садясь рядом с Авреемом. За ним следовал Крушила, который нёс на плечах пару вместительных матерчатых мешков. Стены задрожали, и Авреем внезапно почувствовал тяжесть в животе, когда судно накренилось, как плот во время шторма. Он старался не думать о том, какие силы могли творить такое со столь колоссальным кораблём, как ковчег Механикус.

— Замолчи, — велел Койн. — Прояви хоть каплю уважения, а? Не забывай, где находишься.

— Хорошо, — ответил Хоук, быстро сотворив символ Шестерёнки. — Извиняюсь, просто мне

никогда не нравится вспоминать, что я нахожусь в герметичном железном ящике, который летит в космосе.

Авреем кивнул. Было легко забыть, что похожие на пещеры огромные пространства, где они жили, работали и спали, находились не на поверхности планеты, и что на самом деле они мчались сквозь пустоту в гигантской машине, которая могла прикончить их миллионом способов.

— Знаешь, на этот раз я полностью согласен с тобой, — сказал он.

— Да ладно, — произнёс Хоук. — Звучит так, словно всё остальное время мы не согласны.

— Не могу вспомнить никого другого, с кем я так же часто не соглашаюсь.

— Корабль... в опасности? — спросил Исмаил, продолжая стоять на коленях перед Символом Механикус.

— Да, — подтвердил Авреем. — Корабль в опасности.

— Ты можешь помочь ему, как помог мне? — Исмаил поднялся и встал перед Авреемом, его руки безвольно свисали вдоль тела.

— Я не помогал тебе, Исмаил. Ты ударился головой, и, думаю, это перестроило твой мозг. Части, которые отключили Механикус, восстанавливаются. Ну, по крайней мере, некоторые.

— Савицкас, — ответил Исмаил, протянув руку и снова позволив электронной татуировке появиться.

— Да, Савицкас, — улыбнулся Авреем, закатав рукав и показав такую же татуировку.

— Ты прав, корабль страдает от сильной боли, — произнёс Исмаил, он говорил запинаясь и медленно, словно повреждённый мозг с трудом подбирал слова. — Мы чувствуем его страх, и это причиняет нам боль.

— Мы? Кого ты имеешь в виду?

— Других. Как я. Я могу... чувствовать... их. Их голоса в моей голове, слабые, как шёпот. Я могу слышать их, а они меня. Им не нравится слышать меня. Я думаю, что напоминаю им.

— Напоминаешь о чём? — спросил Койн.

— О том, кем они были.

— Он всегда будет так говорить? — спросил Хоук, а тем временем Крушила положил два мешка возле его ног и направился мимо Исмаила к символу-черепу в дальнем конце святилища. Как и Исмаил Крушила испытывал искреннее уважение к ритуалам и набожности.

— Не знаю, — произнёс Авреем. — Я никогда не слышал о сервиторе, сохранившем память о прошлой жизни, поэтому могу только гадать.

— Получается, они в глубине души помнят, кем были, — заметил Койн.

— Шары Тора, надеюсь, что нет, — произнёс Хоук. — Оказаться в ловушке в собственной голове, как раб, кричать всё время и знать, что никто тебя не услышит. Хуже этого я ничего не могу представить.

— Даже после того, что ты рассказывал о Гидре Кордатус?

— Нет, на самом деле нет, но ты понимаешь, о чём я.

— Сомневаюсь, что они осознанно что-то помнят, — сказал Авреем, надеясь избежать очередного пересказа битв Хоука против космических десантников предателей. — Думаю, их центры памяти вырезают одними из первых. После превращения в сервитора остаются только основные двигательные и воспринимающие функции.

— Значит, один удар по голове, и он помнит, кто он? — спросил Хоук. — Мы должны проделать это с ними со всеми и у нас будет чёртова армия.

Авреем покачал головой, а Хоук начал рыться в первом мешке. Тесное святилище задрожало от очередного кораблетресения, и Авреем быстро сотворил Шестерёнку напротив сердца.

— Сомневаюсь, что всё так просто, — возразил он. — Ты не можешь испортить чей-то мозг и точно знать, что будет потом.

— А, да кого это волнует, в конечном счёте? — ответил Хоук, вытащил из мешка завернутую в плёнку картонную коробку и сорвал упаковку, вздохнув от удовольствия. — Вот вы где, мои милые.

— Что это? — спросил Койн, безуспешно пытаясь скрыть любопытство.

Хоук усмехнулся, открыл упаковку лхо-папирос и зажёг одну паяльником на поясе. Он выдохнул несколько прекрасных колец дыма и, заметив выжидающие взгляды Авреема и Койна, неохотно протянул коробку. Койн взял три, но Авреем довольствовался одной. Хоук

зажѐг их, и они втроѐм курили в тишине, пока корабль снова не задрожал, а электро-факел не зазвенел на цепи.

— И как ты их достал? — поинтересовался Койн.

— Я наладил несколько контактов со скитариями. Не слишком желаю распространяться на эту тему, но даже аугметированные суперсолдаты не прочь промочить горло шайном с нижних палуб. Несколько бутылок здесь, несколько бутылок там...

— Что ещё у тебя в мешке?

— Всякая всячина, — сказал Хоук, наслаждаясь загадочными ответами. — Немного еды, немного выпивки без примеси машинного масла и дистиллированной мочи, ну и кое-какие технологии, которые я рассчитываю использовать для торговли с парой-другой надсмотрщиков. Оказывается, их положение ненамного выше нашего, поэтому они не против небольшого обмена, чтобы сделать жизнь чуточку комфортнее.

— И что же у тебя есть, что может им пригодиться?

— Это вас не касается, — сказал Хоук, погрозив пальцем. — Я и так уже сказал слишком много, но раз мы стали почти как братья, парни, я готов взять вас в долю.

— И что ты ожидаешь получить?

— Для начала ничего особенного. Полагаю, мы сможем получить немного дополнительной еды или чистой фильтрованной воды. Если это сработает, то мы сможем заняться поиском жилья получше или перебраться на палубу, которая не убивает нас радиацией или токсинами. Дайте мне шесть месяцев, и у нас будет тёпленькое местечко, где нам вообще не придётся работать. Главное знать нужных людей и это также верно на космическом корабле, как и в Гвардии.

— Ты и в самом деле можешь сделать это? — спросил Койн.

— Конечно, не вижу причин, почему нет. У меня есть мозги и Крушила, если люди начнут наглеть.

— Ввязываясь в это дело, ты наживёшь немало врагов, — предупредил Авреем. — А Крушила не может охранять тебя вечно.

— Я знаю, я же не идиот. Вот почему я достал это.

Хоук полез во второй мешок и вытащил потёртый и помятый футляр, закрытый на кодовый замок. Он набрал пятизначный код и достал старый на вид пистолет с длинным стволом из

спиральных индукционных петель и тяжёлой силовой батареей в рукояти. На матово-чёрной поверхности оружия виднелись царапины и сколы, но, похоже, о механизме хорошо заботились, как о дорогой реликвии.

— Святой Трон, откуда он у тебя? — изумился Койн.

— Я же говорил, что познакомился с несколькими скитариями. Они слышали, что я — бывший гвардеец, слово за слово и... вот.

— Он хотя бы работает? Похоже ему тысяча лет.

Хоук пожал плечами. — Думаю, да. Готов спорить, что это неважно. Ты просто направляешь его на кого-нибудь, и всё о чём он может думать, снесут ему башку или нет.

— Спрячь его, — прошептал Авреем. — Если надсмотрщики увидят тебя с ним, то выбросят в шлюз или превратят в сервитора. И нас, скорее всего, тоже.

— Расслабься, им и в голову не придёт искать его.

Хоук оглянулся, когда Исмаил коснулся его плеча, сервитор выглядел смущённым и растерянным.

— Чего тебе? — резко произнёс Хоук.

— Это оружие, — сказал Исмаил. — Субатомный плазменный пистолет “Геликон”, убойная дальность — двести метров, точность — до ста метров. Ёмкость батареи: десять выстрелов; время перезарядки между выстрелами: двадцать пять целых семьдесят три сотых секунды. Выпуск прекращён в 843.М41 из-за превышения допустимого уровня перегрева на сорок семь процентов после пятого выстрела.

— Ты разбираешься в оружии? — спросил Хоук.

— Я разбираюсь в оружии? — переспросил сервитор.

— Ты говорил так, словно читал чёртовы инструкции по эксплуатации.

— У меня... было... оружие, — запинаясь, ответил Исмаил. — Я думаю, что помню, как применять его. Я думаю, что у меня это очень хорошо получалось.

— В самом деле? Интересный поворот.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657226>